ФИЛОСОФСКИЙ ПОЕДИНОК

ЭЛИАС
КАНЕТТИ

МОНСТР ВЛАСТИ

СЕРЖ
МОСКОВИЧИ

ФИЛОСОФСКИЙ ПОЕДИНОК

Философский поединок

Элиас Канетти

Монстр власти

«Алгоритм»

УДК 13
ББК 87

Канетти Э.

Монстр власти / Э. Канетти — «Алгоритм», — (Философский поединок)

ISBN 978-5-907120-18-1

Как считали выдающиеся исследователи массовой психологии Э. Канетти и С. Московичи, определенные представления о человеческой природе скрыты, пока мы в одиночестве, но заявляют о себе, когда мы собираемся вместе. Толпа, «масса», понимается Канетти и Московичи как социальное животное, сорвавшееся с цепи, как неукротимая и слепая сила. Но именно поэтому она нуждается в вожде, который используя иррациональную сущность масс, пленяет их своим гипнотизирующим авторитетом. Культ личности, хотя его так и не называют, из исключения становится правилом, а ослабление партий почти повсюду только укрепляет могущество лидеров. Политика в эпоху глобализации еще больше, чем в прошлом становится массовой политикой и сама приобретает иррациональные черты. Этот монстр власти, подобно Левифиану, имеет множество голов…

УДК 13
ББК 87

ISBN 978-5-907120-18-1

© Канетти Э.
© Алгоритм

Содержание

Предисловие[1] 5
Часть 1 8
Масса – вместо народа. Ужасы массового сознания[2] 8
Боязнь прикосновения и ее метаморфозы 8
Открытая и закрытая масса 9
Разрядка 10
Жажда разрушения 11
Прорыв 12
Чувство преследования 13
Укрощение масс в мировых религиях 14
Паника 16
Свойства массы 17
Толпы – вместо общества. Синдромы толпы[3] 18
Индивид и масса 18
Апогей масс 21
Гипноз в массе 24
Торжество бессознательного в толпе 29
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Элиас Канетти, Серж Московичи
Монстр власти

Предисловие[1]

Побеждают революции, один за другим возникают новые режимы, устои прошлого рассыпаются в прах, остается неизменным лишь стремительное возвышение вождей. Они, разумеется, всегда играли какую-то роль в истории, но никогда ранее она не была столь решающей, никогда потребность в вождях не была такой острой.

Сразу возникает вопрос: совместимо ли такое стремительное восхождение с принципом равенства (основой всякого правления в цивилизованных странах), со всеобщим прогрессом военных сил и культуры, с распространением научных знаний? Неужели оно является неизбежным следствием всех тех особенностей современного общества, с которыми оно, казалось бы, несовместимо? Ведь поначалу, когда большинство захватывает власть, она временно переходит в руки меньшинства, но только до того момента, пока один человек не отнимет ее у всех остальных. Этот исключительный человек теперь воплощает собой закон. По приказу вождя толпа его приверженцев беспрекословно идет на преступления, потрясающие воображение, совершает бесчисленные разрушения.

Такая власть не может осуществиться, не лишив людей ответственности и свободы. Более того, она требует их искренней вовлеченности. Хотя нам не привыкать к таким парадоксальным эффектам и их накопление даже притупляет нашу впечатлительность, тем не менее они продолжают нас удивлять, а порой шокировать, заставляя думать, что мы сами становимся их причиной.

Мы полагали, даже считали аксиомой, что единоличное господство, наконец, изживет себя и о нем будут знать только понаслышке. Оно должно было бы стать какой-то диковиной, как культ героев или охота на ведьм, о которых пишут в старинных книгах. Кажется, трудно сказать что-то новое на эту старую тему. Но, не внося никаких новаций, мы довели до предела совершенства то, что в иные времена с их тиранами и Цезарями начиналось в зародыше. Мы создали модель и превратили опытный образец в систему. Давайте признаем, что, пронизывая многообразие культур, обществ и групп, поддерживаемая ими, установилась однотипная система власти, в которой утверждает себя личность – власть вождей.

Экономические или технические факторы, несомненно, содействуют обретению вождями их могущества. Но есть одно магическое слово, обозначающее ту самую единственную действительную причину: это слово «толпа», или еще лучше «масса». Его часто упоминают в разговорах еще со времен Французской революции. Однако нужно было дождаться двадцатого века, чтобы уяснить его смысл и придать ему научное значение. Ведь масса – это временная совокупность равных, анонимных и схожих между собой людей, в недрах которой идеи и эмоции каждого имеют тенденцию выражаться спонтанно.

Толпа, масса – это социальное животное, сорвавшееся с цепи. Моральные запреты сметаются вместе с подчинением рассудку. Социальная иерархия ослабляет свое влияние. Стираются различия между людьми, и люди выплескивают, зачастую в жестоких действиях, свои страсти и грезы: от низменных до героических, от исступленного восторга до мученичества. Беспрестанно кишащая людская масса в состоянии бурления – вот что такое толпа. Это неукротимая и слепая сила, которая в состоянии преодолеть любые препятствия, сдвинуть горы или уничтожить творения столетий.

---

[1] Из книги С. Московичи «Век толп». Перевод с французского Т. Емельяновой.

Разрыв социальных связей, быстрота передачи информации, беспрерывная миграция населения, ускоренный и раздражающий ритм городской жизни создают и разрушают человеческие сообщества. Будучи разрозненными, они воссоздаются в форме непостоянных и разрастающихся толп. Это явление приобретает невиданный прежде размах, из чего следует его принципиальная историческая новизна. Именно поэтому в цивилизациях, где толпы играют ведущую роль, человек утрачивает смысл существования так же, как и чувство «Я». Он ощущает себя чуждым в скоплении других людей, с которыми он вступает лишь в механические и безличные отношения. Отсюда и неуверенность, и тревога у каждого человека, чувствующего себя игрушкой враждебных и неведомых сил. Отсюда же его поиск идеала или веры, его потребность в каком-то образце, который бы ему позволил восстановить ту целостность, которой он жаждет.

* * *

Массы можно было бы сравнить с шаткой грудой кирпича, сложенной без специальной кладки и раствора, которая, будучи лишенной цементирующего вещества, может рухнуть от порыва ветра. Давая каждому человеку ощущение личной связи, вынуждая его разделять общую идею, одно и то же мировоззрение, лидер предлагает ему своего рода эрзац общности, видимость непосредственной связи человека с человеком.

Достаточно нескольких броских образов, одной или двух формул, ласкающих слух и доходящих до сердца, или напоминания о великой коллективной вере и есть цемент, связывающий людей и поддерживающий целостность массового сооружения. Грандиозные церемонии, беспрестанные собрания, демонстрации силы или веры, проекты будущего, одобряемые всеми, и т. д. – всякое торжественное выражение объединения сил и подчинения коллективной воле творит драматическую атмосферу экзальтации.

Выделяясь на фоне людской массы, которая расточает ему всяческие хвалы и курит фимиам, вождь зачаровывает ее своим образом, обольщает словом, подавляет, опутывая страхом. В глазах такого раздробленного людского множества индивидов он является массой, ставшей человеком. Он дает ей свое имя, свое лицо и свою активную волю.

Это позволяет ему требовать необходимых жертв. Первая жертва состоит в отказе массы от контроля за властью и того удовлетворения, которое дает свобода, для того, чтобы сторонники и соратники вождя могли бы лучше управлять и были более управляемыми благодаря максимально сокращенным и ускоренным управленческим ходам. Любые выборы, любые повседневные дела, работа, любовь, поиск истины, чтение газеты и т. д. становятся плебисцитом по его имени. Ведь его влияние, было ли оно получено с согласия масс или вырвано в результате переворота, основывается на всеобщем одобрении, то есть принимает вид демократии…

Существует какая-то мистерия масс. Правда, наша любознательность охлаждается скромными достижениями современной общественной мысли. Но зато чтение произведений классиков ее пробуждает. Сколько бы ни умалчивали ее, сколько бы ее ни искажали, или даже забывали о ней, невозможно ее совершенно проигнорировать, тем более уничтожить. Русский философ Зиновьев писал в своем труде «Без иллюзий»: «В целом эти феномены психологии масс ускользают от историков, которые принимают их за вторичные элементы, не оставляющие никакого видимого следа. А на самом деле их роль огромна». Лучше и лаконичнее не скажешь.

Психология толпы родилась, когда ее пионеры задались вопросами, которые в общем-то у всех на устах: каким образом вожди оказывают такое влияние на массы? Неужели человек-масса вылеплен из другого теста, чем человек-индивидуум? Есть ли у индивидуума потребность в вожде? Почему, наконец, именно наш век – это век толп? Успех ответов на эти вопросы был ошеломляющим настолько, что сегодня даже трудно себе представить.

* * *

Воссоздание системы психологии масс, несмотря на богатство материала, не представляется мне легкой задачей. На каждом шагу открывается, мягко говоря, не слишком лестная картина общественной жизни с ее лидерами и массами. Здесь неизбежно обнаруживаются все те черты, которые делают власть невыносимой; в не меньшей степени приводит в уныние облик толп, жаждущих повиновения, становящихся жертвой собственных импульсивных действий и по природе своей лишенных сознания…

Надо полагать, для того чтобы избежать ловушек слишком сильных оценок и показаться здравым, наилучшее средство – последовать максиме философа Брэдли: «Когда что-то плохо, то надо хорошо представлять себе худшее». И, во всяком случае, не строить никаких иллюзий…

Часть 1
Порождающие чудовищ…

Масса – вместо народа. Ужасы массового сознания[2]

Боязнь прикосновения и ее метаморфозы

Ничего так не боится человек, как непонятного прикосновения. Когда случайно дотрагиваешься до чего-то, хочется увидеть, хочется узнать или, по крайней мере, догадаться, что это. Человек всегда старается избегать чужеродного прикосновения. Внезапное касание ночью или вообще в темноте может сделать этот страх паническим. Даже одежда не обеспечивает достаточной безопасности: ее так легко разорвать, так легко добраться до твоей голой, гладкой, беззащитной плоти.

Эта боязнь прикосновения побуждает людей всячески отгораживаться от окружающих. Они запираются в домах, куда никто не имеет нрава ступить, и лишь IBM чувствуют себя в относительной безопасности. Взломщика боятся не только потому, что он может ограбить, страшно, что кто-то внезапно, неожиданно схватит тебя из темноты. Рука с огромными когтями обычный символ этого страха. Отсюда во многом двойственный смысл немецкого слова angreifen. Оно может означать и безобидное прикосновение, и опасное нападение, причем в первом значении всегда присутствует оттенок второго. Основное же значение существительного Angriff уже исключительно отрицательное: нападение, атака.

Нежелание с кем-либо соприкоснуться сказывается и на нашем поведении среди других. Характер наших движений на улице, в толпе, в ресторанах, в поездах и автобусах во многом определяется этим страхом. Даже когда мы оказываемся совсем рядом с другими людьми, ясно их видим и прекрасно знаем, кто это, мы по возможности избегаем соприкосновений. Коли же, напротив, мы рады коснуться кого-то, значит, этот человек оказался нам просто приятен, и сближение происходит по нашей инициативе.

Быстрота, с какой мы извиняемся, нечаянно кого-то задев, напряженность, с какой обычно ждешь извинения, резкая и подчас не только словесная реакция, если его не последует, неприязнь и враждебность, которую испытываешь к «злоумышленнику», даже когда не думаешь, что у него и впрямь были дурные намерения, весь этот сложный клубок чувств вокруг чужеродного прикосновения, вся эта крайняя раздражительность, возбудимость свидетельствуют о том, что здесь оказывается задето что-то затаенное в самой глубине души, что-то вечно недремлющее и коварное, что-то никогда не покидающее человека, однажды установившего границы своей личности. Такого рода страх может лишить и сна, во время которого ты еще беззащитней.

* * *

Освободить человека от этого страха перед прикосновением способна лишь масса. Только в ней страх переходит в свою противоположность. Для этого нужна плотная масса, когда тела прижаты друг к другу, плотная и по своему внутреннему состоянию, то есть когда даже не обращаешь внимания, что тебя кто-то «теснит». Стоит однажды ощутить себя части-

[2] Из книги Э. Канетти «Масса и власть». Перевод с немецкого Р. Каралашвили.

цей массы, как перестаешь бояться ее прикосновения. Здесь в идеальном случае все равны. Теряют значение все различия, в том числе и различие пола. Здесь, сдавливая другого, сдавливаешь сам себя, чувствуя его, чувствуешь себя самого. Все вдруг начинает происходить как бы внутри одного тела. Видимо, это одна из причин, почему массе присуще стремление сплачиваться тесней: в основе его желание как можно в большей степени освободить каждого в отдельности от страха прикосновения. Чем плотней люди прижаты друг к другу, тем сильней в них чувство, что они не боятся друг друга. Это свойство массы. Облегчение, которое в ней начинаешь испытывать и о котором еще пойдет речь в другой связи, становится наиболее ощутимо при самой большой ее плотности.

Открытая и закрытая масса

Масса, вдруг возникающая там, где только что ничего не было, явление столь же загадочное, сколь и универсальное. Стояли, допустим, вместе несколько человек, пять, десять, от силы двенадцать, не больше. Не было никаких объявлений, никто ничего не ждал. И вдруг все уже черно от людей. Они стекаются сюда отовсюду, как будто движение по улицам стало односторонним. Многие понятия не имеют, что случилось, спроси их об этом, они не смогут ответить; и все-таки они спешат присоединиться к толпе. Их движению присуща решительность, свидетельствующая отнюдь не о простом любопытстве. Можно сказать, что движение одного оказывается заразительным для другою, но дело не только в этом: у них есть цель. Она появилась прежде, чем они это осознали; цель – самое черное место, место, где собралось больше всего людей.

Об этой ярко выраженной форме спонтанной массы следует кое-что сказать. В месте своего возникновения, то есть собственно в своем ядре, она не так уж спонтанна, как кажется. Но в остальном, если не считать пяти, десяти или двенадцати человек, с которых она началась, масса действительно характеризуется этим свойством. Возникнув однажды, она стремится возрастать. Стремление к росту первое и главнейшее свойство массы. Она готова захватить каждого, кого только можно. Всякий, имеющий облик человеческого существа, может к ней примкнуть. Естественная масса есть открытая масса: для ее роста вообще не существует никаких границ. Она не признает домов, дверей и замков; ей подозрительны те, кто от нее запирается. Слово «открытая» здесь следует понимать во всех смыслах, она такова всюду и во всех направлениях. Открытая масса существует, покуда она растет. Как только рост прекращается, начинается ее распад.

Ибо распадается масса так же внезапно, как возникает. В этой своей спонтанной форме она образование чувствительное. Открытость, позволяющая ей расти, одновременно опасна для нее. Предчувствие грозящего распада всегда присутствует в ней. Она пытается избежать его, стараясь быстрее расти. Она вбирает в себя всех, кого только можно, но, когда никого больше не остается, распад становится неизбежным.

* * *

Противоположностью открытой массе, которая может расти до бесконечности, которая есть повсюду и именно потому претендует на универсальность, является закрытая масса.

Эта отказывается от роста, для нее самое главное устойчивость. Ее примечательная черта – наличие границы. Закрытая масса держится стойко. Она создает для себя место, где обособляется; есть как бы предназначенное ей пространство, которое она должна заполнить! Ее можно сравнить с сосудом, куда наливается жидкость: известно, сколько жидкости войдет в этот сосуд. Доступ на ее территорию ограничен, туда не попадешь так просто. Границы уважаются. Эти границы могут быть каменными, в виде крепких стен. Может быть установлен

особый акт приема, может существовать определенный взнос для входа. Когда пространство оказывается заполнено достаточно плотно, туда никто больше не допускается. Если какая-то часть желающих осталась за его пределами, в расчет всегда берется лишь плотная масса внутри закрытого пространства, остальные не считаются принадлежащими к ней всерьез.

Граница препятствует нерегулируемому приросту, но она затрудняет и замедляет также возможность распада. Теряя в росте, масса соответственно приобретает в устойчивости. Она защищена от внешних воздействий, которые могут быть для нее враждебны и опасны. Но особенно много значит для нее возможность повторения. Перспектива собираться вновь и вновь всякий раз позволяет массе избежать распада. Ее ждет какое-то здание, оно существует специально ради нее, и, покуда оно существует, масса будет собираться здесь и впредь. Это пространство принадлежит ей даже во время отлива, и в своей пустоте оно предвещает время прилива.

Разрядка

Важнейший процесс, происходящий внутри массы, разрядка. До нее массы в собственном смысле слова еще не существует, по-настоящему ее создает разрядка. Это миг, когда все, принадлежащие к ней, отбрасывают различия и чувствуют себя равными.

Имеются в виду, прежде всего, обусловленные внешне должностные, социальные, имущественные различия. Каждый по отдельности человек обычно очень хорошо их чувствует. Они тяжело его гнетут, поневоле и неизбежно разъединяют людей. Человек, занимающий определенное, надежное место, чувствует себя вправе никого к себе близко не подпускать. Он стоит, выразительный, полный уважения к себе, словно ветряная мельница среди просторной равнины; до следующей мельницы далеко, между ними пустое пространство. Вся известная ему жизнь основана на чувстве дистанции; дом, которым он владеет и в котором запирается, должность, которую он занимает, положение, к которому он стремится, все служит тому, чтобы укрепить и увеличить расстояние между ним и другим. Свобода какого-либо более глубокого движения от человека к человеку ограниченна. Все порывы, все ответные попытки иссякают, как в пустыне. Никому не дано приблизиться к другому, никому не дано сравняться с другим. Прочно утвердившиеся иерархии в любой области жизни не позволяют никому дотянуться до более высокого уровня или опуститься на более низкий, разве что чисто внешне. В разных обществах соотношения этих дистанций между людьми бывают различными. В некоторых решающую роль играет происхождение, в других род занятий или имущественное положение.

Здесь не место подробно характеризовать эти субординации. Важно отметить, что они существуют повсюду, повсюду осознаются и решающим образом определяют отношения между людьми. Удовольствие занимать в иерархии более высокое положение не компенсирует утраты в свободе движения. Застывший и мрачный, человек стоит на отдалении от других. На его плечах тяжкий груз, и он не может сдвинуться с места. Он забывает, что сам взвалил эту тяжесть на себя, и мечтает от нее освободиться. Но как ему это сделать? Что бы он ни решил, как бы ни старался, он живет среди других, которые сведут все его усилия на нет. Пока они сами продолжают соблюдать дистанцию, ему не приблизиться к ним ни на шаг.

* * *

Освободиться от этого сознания дистанции можно лишь сообща. Именно это и происходит в массе. Разрядка позволяет отбросить все различия и почувствовать себя равными. В тесноте, когда между людьми уже нет расстояния, когда тело прижато к телу, каждый ощущает другого как самого себя. Облегчение от этого огромно. Ради этого счастливого мгновения, когда никто не чувствует себя больше, лучше другого, люди соединяются в массу.

Но миг разрядки, столь желанный и столь счастливый, таит в себе и свои опасности. Уязвима главная иллюзия, которую он порождает: ведь люди, вдруг ощутившие себя равными, не стали равными взаправду и навсегда. Они возвращаются каждый в свой дом, ложатся спать каждый в свою постель. Каждый сохраняет свое имущество. Никто не отказывается от своего имени. Никто не прогоняет своих родственников. Никто не убегает от своей семьи. Лишь когда дело доходит до действительно серьезных перемен, люди порывают старые связи и вступают в новые. Такого рода союзы, которые по своей природе могут охватить лишь ограниченное число участников и, чтобы обеспечить свою устойчивость, должны устанавливать жесткие правила, я называю кристаллами масс. О них еще будет сказано подробней.

Но сама масса распадается. Она чувствует, что распадется. Она боится распада. Она может сохраниться лишь в том случае, если процесс разрядки продолжится, если он вовлечет в себя людей, примкнувших к ней. Лишь рост массы дает возможность принадлежащим к ней не возвращаться к грузу своих частных тягот.

Жажда разрушения

О страсти массы к разрушению говорится часто, это первое, что в ней бросается в глаза, и нельзя отрицать, что эту страсть действительно можно наблюдать всюду, в самых разных странах и культурах. Все это констатируют и осуждают, но никто по-настоящему не объясняет.

Больше всего масса любит разрушать дома и предметы. Поскольку имеются в виду чаще всего предметы хрупкие, такие, как оконные стекла, зеркала, горшки, картины, посуда, принято считать, что именно хрупкость предметов побуждает массы их разрушать. Несомненно, шум разрушения, звук разбиваемой посуды, звон оконных стекол немало добавляет к удовольствию от процесса: это мощные звуки новой жизни, крик новорожденного. То, что их легко вызвать, делает их еще более желанными, все кричит на разные голоса, и вещи рукоплещут, звеня. Особенно бывает нужен, очевидно, такого рода шум в самом начале, когда собралось еще не слишком много народа и событий еще мало или вовсе не произошло. Шум сулит приход подкрепления, на него надеются, в нем видят счастливое предвестие грядущих дел. Но неверно было бы полагать, что решающую роль здесь играет легкость разрушения. Набрасывались и на скульптуры из твердого камня и не успокаивались, покуда не уродовали их до неузнаваемости!

Христиане отбивали головы и руки греческим богам. Реформаторы и революционеры порой низвергали изображения святынь с таких высот, что это бывало небезопасно для жизни, а камень, который пытались разрушить, нередко оказывался таким твердым, что цели удавалось добиться лишь отчасти.

Разрушение произведений искусства, которые что-то изображают, есть разрушение иерархии, которую больше не признают. Атаке подвергаются установленные дистанции, для всех очевидные и общепризнанные. Их прочность соответствует их незыблемости, они существовали издавна, как полагают, испокон веков, стояли прямо и непоколебимо; и невозможно было приблизиться к ним с враждебными намерениями. Теперь они низвергнуты и разбиты на куски. В этом акте осуществилась разрядка.

Но она не всегда заходит так далеко. Обычное разрушение, о котором шла речь вначале, есть не что иное, как атака на всяческие границы. Окна и двери – принадлежность домов, они самая уязвимая их часть, ограничивающая внутреннее пространство от внешнего мира. Если разбить двери и окна, дом потеряет свою индивидуальность. Кто угодно и когда угодно может туда войти, ничто и никто внутри не защищены. Но в этих домах обычно прячутся, как считают, люди, пытавшиеся обособиться от массы, ее враги. Теперь то, что их отделяло, разрушено. Между ними и массой нет ничего. Они могут выйти и присоединиться к ней. Можно их заставить сделать это.

* * *

Но и это еще не все. Каждый в отдельности человек испытывает чувство, что в массе он выходит за пределы своей личности. Он ощущает облегчение от того, что утратили силу все дистанции, заставлявшие его замыкаться в самом себе, отбрасывавшие его назад. Освободившись от этого груза, он чувствует себя свободным, а значит, может преступить собственные границы. То, что произошло с ним, должно произойти также с другими, он ждет подобного от них. Какой-нибудь глиняный горшок раздражает его тем, что это, в сущности, тоже граница. В доме его раздражают закрытые двери. Ритуалы и церемонии, все, что способствует сохранению дистанции, он ощущает как угрозу, и это для него невыносимо. Повсюду массу пытаются расчленить, вернуть в заранее навязанные пределы. Она ненавидит свои будущие тюрьмы, которые были для нее тюрьмами и прежде. Ничем не прикрытой массе все кажется Бастилией.

Самое впечатляющее из всех разрушительных средств – огонь. Он виден издалека и привлекает других. Он разрушает необратимо. После огня ничто не вернется в прежнее состояние. Масса, разжигающая огонь, чувствует, что перед ней не устоит ничто. Пока он распространяется, ее сила растет. Он уничтожает все враждебное ей. Огонь, как еще будет показано, самый мощный символ массы. Как и она, он после всех причиненных им разрушений должен утихнуть.

Прорыв

Открытая масса это масса в собственном смысле слова, которая свободно отдается своему естественному стремлению к росту. Открытая масса не имеет ясного чувства или представления, насколько большой она могла бы стать. Она не привязана ни к какому заранее известному помещению, которое ей требовалось бы заполнить. Ее размер не определен; она склонна расти до бесконечности, а для этого ей нужно лишь одно: больше и больше людей. В этом голом состоянии масса особенно приметна. При этом она воспринимается как что-то необычное, а поскольку она рано или поздно распадается, ее трудно сполна оценить. Наверно, к ней и дальше не относились бы с достаточной серьезностью, если бы чудовищный прирост населения и быстрое разрастание городов, характерное для нашей современной эпохи, не способствовали все более частому ее возникновению.

Закрытые массы прошлого, о которых еще будет идти речь, превратились в организации для посвященных. Своеобразное состояние, характерное для их участников, кажется чем-то естественным; ведь собирались всегда ради какой-то определенной цели: религиозной, торжественной или военной, и состояние, казалось бы, определялось этой целью. Пришедший на проповедь наверняка пребывал в искреннем убеждении, что его интересует проповедь, и он бы удивился, а может быть, и возмутился, скажи ему кто-то, что больше самой проповеди ему приятно множество присутствующих. Смысл всех церемоний и правил, характерных для таких организаций, в сущности, удержание массы: лучше надежная церковь, полная верующих, чем весь ненадежный мир. Равномерность посещения церкви, привычное и неизменное повторение определенных ритуалов обеспечивали массе своего рода массовые переживания, только введенные в какое-то русло, рамки. Исполнение этих обрядов в строго определенное время заменяет потребность в чем-то более суровом и сильном.

Возможно, таких учреждений было бы достаточно, оставайся число людей примерно одинаковым. Но в города прибывает все больше жителей, рост народонаселения в последние сто лет происходит нарастающими темпами. Тем самым создавались и предпосылки для образования новых, более крупных масс, и ничто, в том числе самое опытное и умелое руководство, не способно было при таких условиях остановить этот процесс.

Выступления против традиционного церемониала, о которых рассказывает история религии, всегда были направлены против ограничения массы, которая в конечном счете хотела вновь ощутить свой рост. Вспомним Нагорную проповедь Нового завета: она звучала под открытыми небесами, ее могли слушать тысячи, и она была направлена, в этом нет никакого сомнения, против ограничительного церемониала официального храма. Вспомним стремление христианства во времена апостола Павла вырваться из национальных, племенных границ еврейства и стать универсальной религией для всех людей. Вспомним о презрении буддизма к кастовой системе тогдашней Индии.

Событиями подобного рода богата и внутренняя история отдельных мировых религий. Храм, каста, церковь всегда оказываются слишком тесными. Крестовые походы порождают массы таких размеров, что их не могло бы вместить ни одно церковное здание тогдашнего мира. Позднее флагелланты устраивают свои действа на глазах у целых городов, причем они еще путешествуют из города в город. Проповедник Весли еще в XVIII веке организует свое движение методистов, устраивая проповеди под открытым небом. Он прекрасно сознает, как важно привлечь к себе большие массы, и не раз отмечает в своем дневнике, сколько людей слушало его на этот раз. Прорыв из закрытых помещений, где принято собираться, всегда означает желание массы вернуть себе прежнюю способность к внезапному, быстрому и неограниченному росту.

* * *

Итак, прорывом я называю внезапный переход закрытой массы в открытую. Такое случается часто, однако не следует понимать этот процесс как чисто пространственный. Порой впечатление такое, как будто масса вытекает из помещения, где она была надежно укрыта, на площадь и на улицы города, где она, все в себя вбирая и всему открытая, получает полную свободу действий. Но важней этого внешнего процесса соответствующий ему процесс внутренний: неудовлетворенность ограниченным числом участников, внезапное желание привлечь к себе других, страстная решимость вобрать всех.

Со времен Французской революции такие прорывы приняли форму, которую можно назвать современной. Очевидно, потому, что масса в значительной мере отказалась от связи с традиционными религиями, нам стало с тех пор легче наблюдать ее, так сказать, в голом, биологическом виде, вне трансцендентных толкований и целей, которые она позволяла себе внушать прежде. История последних 150 лет отмечена быстрым возрастанием числа подобных прорывов; это относится даже к войнам, которые стали массовыми. Массе уже недостаточно благочестивых правил и обетов, ей хочется самой ощутить в себе великое чувство животной силы, способность к страстным переживаниям. Единственный перспективный путь тут – образование двойной массы, когда одна масса может сопоставлять себя с другой. Чем ближе обе по силе и интенсивности, тем дольше, меряясь друг с дружкой, смогут они продлить свое существование.

Чувство преследования

К наиболее бросающимся в глаза чертам жизни массы принадлежит нечто, что можно назвать чувством преследования. Имеется в виду особая возбудимость, гневная раздражительность по отношению к тем, кто раз и навсегда объявлен врагом. Эти люди могут вести себя как угодно, быть грубыми или предупредительными, участливыми или холодными, жесткими или мягкими, – все воспринимается как проявление безусловно дурных намерений, недобрых замыслов против массы, заведомым стремлением откровенно или исподтишка ее разрушить.

Чтобы объяснить это чувство враждебности и преследования, нужно опять же исходить из того основного факта, что масса, однажды возникнув, желает как можно быстрее расти. Трудно переоценить силу и настойчивость, с какой она распространяется. Она чувствует, что растет, например, в революционных процессах, которые зарождаются в маленьких, однако полных напряжения массах; она воспринимает как помеху всякое противодействие своему росту. Ее можно рассеять или разогнать с помощью полиции, однако это оказывает воздействие чисто временное, как будто рукой согнали рой мух. Но она может быть атакована и изнутри, если требования, которые привели к ее образованию, оказались удовлетворены. Тогда слабые от нее отпадают; другие, собравшиеся к ней примкнуть, поворачивают на полпути.

Нападение на массу извне может лишь ее укрепить. Физический разгон лишь сильнее сплачивает людей. Гораздо опасней для нее нападение изнутри. Забастовка, добившаяся каких-то выгод, начинает распадаться. Нападение изнутри апеллирует к индивидуальным прихотям. Масса воспринимает его как подкуп, как нечто «аморальное», поскольку оно подрывает чистоту и ясность первоначальных настроений. В каждом члене такой массы таится маленький предатель, который хочет есть, пить, любить, который желает покоя. Покуда это для него не так важно, покуда он не придаст этому слишком большого значения, его никто не трогает. Но едва он заявит об этом вслух, его начинают ненавидеть и бояться. Становится ясно, что он поддался на вражескую приманку.

* * *

Масса всегда представляет собой нечто вроде осажденной крепости, но осажденной вдвойне: есть враг, стоящий перед ее стенами, и есть враг в собственном подвале. В ходе борьбы она привлекает все больше приверженцев. Перед всеми воротами собираются прибывающие друзья и бурно стучатся, чтобы их впустили. В благоприятные моменты эту просьбу удовлетворяют; иногда они перелезают и через стены. Город все больше и больше наполняется борцами; но каждый из них приносит с собой и маленького невидимого предателя, который поскорее ныряет в подвал. Осада состоит в попытках не допустить в город перебежчиков. Для врагов внешних стены важнее, чем для осажденных внутри. Это осаждающие все время их надстраивают и делают выше. Они пытаются подкупить перебежчиков и, если их нельзя удержать, заботятся о том, чтобы маленькие предатели, уходящие вместе с ними, прихватили с собой в город достаточный запас враждебности.

Чувство преследования, которому подвержена масса, есть не что иное, как чувство двойной угрозы. Кольцо внешних стен сжимается все сильней и сильней, подвал внутри становится все больше и больше. Что делает перед стенами враг, всем хорошо видно; но в подвалах все совершается тайно.

Впрочем, образы такого рода обычно раскрывают лишь часть истины. Прибывающие извне, желающие проникнуть в город для массы не только новые приверженцы, подкрепление, опора, это и ее питание. Масса, переставшая расти, пребывает как бы в состоянии поста. Существуют средства, позволяющие выдержать такой пост; религии достигли по этой части немалою мастерства. Дальше еще будет показано, как мировым религиям удается сохранять массы своих приверженцев, даже если не происходит их большого и быстрого роста.

Укрощение масс в мировых религиях

Религии, претендующие на универсальность, добившиеся признания, очень скоро изменяют акцент в своей борьбе за души людей. Первоначально речь для них идет о том, чтобы охватить и привлечь к себе всех, кого только возможно. Они мечтают о массе универсальной; для них важна каждая отдельная душа, и каждую они желают заполучить. Но борьба, которую

им приходится вести, постепенно порождает нечто вроде скрытого уважения к противнику с ею уже существующими институтами. Они видят, как непросто им держаться. Поэтому институты, обеспечивающие единство и устойчивость, кажутся им все более важными. Побуждаемые примером противников, они прилагают все усилия, чтобы самим создать нечто подобное, и, если им это удастся, со временем такие институты становятся для них главным. Они начинают жить уже сами по себе, обретают самоценность и постепенно укрощают размах первоначальной борьбы за души. Церкви строятся таких размеров, чтобы вместить тех верующих, которые уже есть. Увеличивают их число осторожно и с оглядкой, когда это действительно оказывается необходимо. Заметно сильное стремление собирать верующих по группам. Именно потому, что их теперь стало много, увеличивается склонность к распаду, а значит, опасность, которой надо все время противодействовать.

Чувство коварства массы, можно сказать, в крови у исторических мировых религий. Их собственные традиции, на которых они учатся, напоминают им, как неожиданно, вдруг это коварство может проявиться. Истории массовых обращений в их же веру кажутся им чудесными, и они таковы на самом деле. В движениях отхода от веры, которых церкви боятся и потому преследуют, такого рода чудо обращается против них, и раны, которые они ощущают на своей шкуре, болезненны и незабываемы. Оба процесса, бурный первоначальный рост и не менее бурный отток, потом питают их постоянное недоверие к массе.

Они хотели бы видеть нечто противоположное ей – послушную паству. Недаром принято говорить о верующих как об овцах и хвалить их за послушание. Пастве совершенно чуждо то, что так важно для массы, а именно стремление к быстрому росту. Церковь довольствуется временной иллюзией равенства между верующими, на которой, однако, не слишком строго настаивает, определенной, причем умеренной плотностью и выдержанностью курса. Цель она предпочитает указывать очень отдаленную, где-то в потусторонней жизни, куда вовсе не нужно тотчас спешить, пока еще жив, ее еще нужно заслужить трудом и послушанием. Направление постепенно становится самым главным. Чем дальше цель, тем больше шансов на устойчивость. Как будто бы непременный принцип роста заменяется другим, весьма от него отличным: повторением.

Верующие собираются в определенных помещениях, в определенное время и при помощи одних и тех же действий приводятся в состояние, присущее массе, но состояние смягченное; оно производит на них впечатление, не становясь опасным, и они к нему привыкают. Чувство единства отпускается им дозированно. От правильности этой дозировки зависит устойчивость церкви.

* * *

В каких бы церквах или храмах ни приучились люди к этому точно повторяемому и точно отмеренному переживанию, им уже от него никуда не уйти. Оно уже становится для них таким же непременным, как еда и все, что обычно составляет их существование. Внезапный запрет их культа, подавление их религии государственной властью не может остаться без последствий. Нарушение тщательного баланса в их массовом хозяйстве может спустя время привести к вспышке открытой массы. И уже эта масса проявляет тогда все свои известные основные свойства. Она бурно распространяется. Она осуществляет подлинное равенство взамен фиктивного. Она обретает новую и гораздо более интенсивную плотность. Она отказывается на время от той далекой и труднодостижимой цели, для которой воспитывалась, и ставит перед собой цель здесь, в этой конкретной жизни с ее непосредственными заботами.

Все религии, подвергавшиеся внезапному запрету, мстили за себя чем-то вроде секуляризации. Сильная, неожиданно дикая вспышка совершенно меняет характер их веры, хотя сами они не понимают природы этой перемены. Они считают эту веру еще прежней и полагают,

что лишь стараются сохранить свои глубочайшие убеждения. На самом деле они вдруг совершенно меняются, обретая острое и своеобразное чувство, присущее открытой массе, которую они теперь образуют и которой во что бы то ни стало хотят оставаться.

Паника

Паника в театре, как уже часто бывало замечено, это распад массы. Чем сильнее объединяло людей представление, чем более замкнута форма театра, который держит их вместе внешне, тем более бурно происходит распад.

Впрочем, может быть и так, что само по себе представление еще не создает настоящей массы. Часто оно вовсе не захватывает публику, которая не расходится просто потому, что уже пришла. То, чего не удалось вызвать пьесе, тотчас делает огонь. Он не менее опасен для людей, чем звери, самый сильный и самый древний символ массы. Весть об огне внезапно обостряет всегда присутствовавшее в публике чувство массы. Общая, несомненная опасность порождает общий для всех страх. На какое-то время публика становится подлинной массой. Будь это не в театре, можно было бы вместе бежать, как бежит стадо зверей от опасности, черпая дополнительную энергию в единой направленности движения. Такого рода активный массовый страх великое коллективное переживание всех животных, которые живут стадом, быстро бегают и вместе спасаются.

В театре, напротив, распад массы носит насильственный характер. Двери могут пропустить одновременно лишь одного или нескольких человек. Энергия бегства сама собой становится энергией, отбрасывающей назад. Между рядами стульев может протиснуться лишь один человек, здесь каждый тщательно отделен от другого, каждый сидит сам по себе, на своем месте. Расстояние до ближайшей двери для каждого разное. Нормальный театр рассчитан на то, чтобы закрепить людей на месте, оставив свободу лишь их рукам и голосам. Движение ног по возможности ограничивается.

Таким образом, внезапный приказ бежать, который происходит от огня, вступает в противоречие с невозможностью совместного движения. Дверь, через которую каждый должен протиснуться, которую он видит, в которой он видит себя, резко отделена от всех прочих, это рама картины, которая очень скоро овладевает его мыслями. Так что масса подвергается насильственному распаду как раз на вершине своего самоощущения. Резкость перемены проявляется в самых сильных, индивидуальных действиях: люди толкаются, бьются, бешено колотят вокруг.

Чем больше человек борется «за свою жизнь», тем яснее становится, что борется он против других, которые мешают ему со всех сторон. Они выступают здесь в той же роли, что и стулья, балюстрады, закрытые двери, с той только разницей, что эти другие еще движутся против тебя. Они теснят тебя отовсюду, откуда только хотят, вернее, откуда теснят их самих. Женщин, детей, стариков щадят не больше чем мужчин, здесь просто никого не различают. Это характерно для массы, где все равны; и хотя каждый уже не ощущает себя частицей массы, он все еще ею окружен. Паника это распад массы внутри массы. Отдельный человек отпадает от нее в момент, когда ей как целому грозит опасность, он хочет от нее отделиться. Но так как он физически еще принадлежит ей, он вынужден против нее бороться. Довериться ей теперь означало бы для него гибель, поскольку гибель грозит ей самой. В такой момент он делает все, чтобы как угодно выделиться. Ударами и пинками он навлекает на себя ответные удары и пинки. Чем больше он их раздает, чем больше получает в ответ, тем яснее он ощущает себя, тем отчетливей начинает вновь осознавать границы собственной личности.

* * *

Интересно наблюдать, как много общего оказывается между массой и пламенем для вовлеченных в эту борьбу. Масса возникает благодаря неожиданному виду огня или возгласу «Пожар!»; подобно пламени она играет с тем, кто пытается из нее вырваться. Люди, которых этот человек расталкивает, для него словно горящие предметы, их прикосновение к любому месту тела враждебно ему, оно его пугает. Это общее чувство враждебности, напоминающее об огне, захватывает каждого, кто попадается на пути; то, как он постепенно подступает к каждому предмету отдельно и наконец полностью его охватывает, весьма напоминает поведение массы, грозящей человеку со всех сторон. Движения в ней непредсказуемы, вдруг вырывается из нее рука, кулак, нога, точно языки пламени, которые могут взвиться внезапно и где угодно. Огонь, приобретший вид лесного или степного пожара, есть враждебная масса, каждый человек может это ярко почувствовать. Огонь вошел в его душу как символ массы и таким остается в его сознании. А когда приходится видеть, как в панике старательно и как будто бессмысленно топчут ногами человека, это есть не что иное, как растаптывание огня.

Панику как распад можно предотвратить лишь в том случае, если продлить первоначальное состояние общего массового страха. Это возможно в церкви, которой что-то грозит: тогда в общем страхе начинают молиться общему Богу, ибо ему одному дано совершить чудо потушить огонь.

Свойства массы

Уместно вкратце обобщить главные свойства массы. Можно выделить следующие четыре черты:

1. Масса хочет постоянно расти. Природных границ для ее роста не существует. Там, где такие границы искусственно созданы, то есть в институтах, служащих сохранению замкнутой массы, всегда возможен и время от времени происходит прорыв массы. Безусловно надежных учреждений, которые могли бы раз и навсегда помешать приросту массы, не существует.

2. Внутри массы господствует равенство. Оно абсолютно, бесспорно и никогда не ставится под вопрос самой массой. Оно имеет такое фундаментальное значение, что можно определить состояние массы именно как состояние абсолютного равенства. У всех есть головы, у всех есть руки, а чем там они отличаются, не так уж важно. Ради этого равенства и становятся массой. Все, что могло бы от этого отвлечь, не стоит принимать во внимание. Все лозунги справедливости, все теории равенства вдохновлены в конечном счете этим опытом равенства, который каждый по-своему пережил в массе.

3. Масса любит плотность. Никакая плотность для нее не чрезмерна. Не должно быть никаких перегородок, ничего чужеродного внутри, все должно по возможности ей принадлежать. Чувство наибольшей плотности она получает в момент разрядки. Возможно, еще удастся подробней определить и измерить эту плотность.

4. Массе нужно направление. Она находится в движении и движется к чему-то. Общность направления для всех, кто к ней принадлежит, усиливает чувство равенства. Цель, лежащая вне каждого в отдельности и относящаяся ко всем, вытесняет частные, неравные цели, которые были бы для массы смертельны. Для того чтобы она существовала, ей необходимо направление. Поскольку масса всегда боится распада, ее можно направить к какой-то цели. Но тут существует еще и темная инерция движения, зовущая к новым, более важным связям. Часто нет возможности предсказать, какого рода будут эти связи.

Каждое из четырех обозначенных здесь свойств может играть большую или меньшую роль.

Толпы – вместо общества. Синдромы толпы[3]

Индивид и масса

Английский психолог Бартлетт в одной классической работе очень точно замечает по поводу человека государства: «Великая тайна всякого поведения – это общественное поведение. Я вынужден был им заниматься всю свою жизнь, но я не претендовал бы на то, что понимаю его. У меня сложилось впечатление, что я проник насквозь в глубину человеческого существа, но, однако, ни в малейшей степени не осмелился бы утверждать ничего о том, как он поведет себя в группе».

Откуда такое сомнение? Почему же невозможно предсказать поведение друга или близкого человека, когда он будет находиться на совещании специалистов, на партийном собрании, в суде присяжных или в толпе? На этот вопрос всегда отвечают следующим образом: потому, что в социальной ситуации люди ведут себя недобросовестно, не обнаруживают своих лучших качеств. Даже напротив! И речи не идет о том, чтобы добавить нечто друг другу, взаимно усовершенствоваться, – нет, их достоинства имеют тенденцию убывать и приходить в упадок. В самом деле, уровень человеческой общности стремится к низшему уровню ее членов. Тем самым все могут принимать участие в совместных действиях и чувствовать себя на равной ноге. Таким образом, нет оснований говорить, что действия и мысли сводятся к «среднему», они скорее на нижней отметке. Закон множества мог бы именоваться законом посредственности: то, что является общим для всех, измеряется аршином тех, кто обладает меньшим. Короче говоря, в сообществе первые становятся последними.

Никакого труда не составило бы выстроить обширную антологию, доказывающую, что эта концепция распространяется на все народы. Так, Солон утверждал, что один отдельно взятый афинянин – это хитрая лисица, но когда афиняне собираются на народные собрания в Пниксе[4], уже имеешь дело со стадом баранов. Фридрих Великий очень высоко ценил своих генералов, когда беседовал с каждым из них по отдельности. Но при этом говорил о них, что собранные на военный совет, они составляют не более чем кучку имбецилов. Поэт Грильпарцер утверждал: «Один в отдельности взятый человек довольно умен и понятлив; люди, собранные вместе, превращаются в дураков».

Немецкие поэты были не единственными, кто констатировал этот факт. Задолго до них римляне придумали поговорку, которая имела большой успех: «Senatores omnes boni viri, senatus romanus mala bestia», – сенаторы – мужи очень достойные, римский сенат – это скверное животное. Так они определяли контраст вероятных достоинств каждого сенатора в отдельности и неблагоразумие, неосмотрительность и нравственную уязвимость, запятнавшую совместные обсуждения в собрании, от которых зависели тогда мир или война в античном обществе. Возвращаясь к этой пословице, Альберт Эйнштейн восклицает: «Сколько бед такое положение вещей причиняет человечеству! Оно является причиной войн, наводняющих землю скорбью, стонами и горечью».

А итальянский философ Грамши, имевший богатый человеческий опыт и много размышлявший над природой масс, дал ей очень точную интерпретацию. Как он полагает, пословица означает: «Что толпа людей, ведомых их непосредственными интересами или ставших жертвой страсти, вспыхнувшей в ответ на сиюминутные впечатления, без какой-либо критики

---

[3] Из книг С. Московичи «Век толп» и «Машина, творящая богов». Перевод с французского Т. Емельяновой, Г. Дилигенского.

[4] Пникс – холм в западной части древних Афин, напротив Акрополя, служивший местом народных собраний – *Примеч. пер.*

передаваемые из уст в уста, эта толпа объединяется для того, чтобы принять вредное коллективное решение, соответствующее самым что ни на есть звериным инстинктам. Это верное и реалистическое наблюдение, если только оно относится к случайным толпам, которые собираются как «толпа во время ливня под навесом», состоящая из людей, не несущих никакой ответственности перед другими людьми или группами, либо связанных с какой-то конкретной экономической реальностью – это деградация, которая аналогична личностному упадку».

Эта интерпретация подчеркивает двойной аспект одного и того же упрямого и фундаментального факта: взятый в отдельности, каждый из нас в конечном счете разумен; взятые же вместе, в толпе, во время политического митинга, даже в кругу друзей, мы все готовы на самые последние сумасбродства.

* * *

Всякий раз, когда люди собираются вместе, в них скоро начинает обрисовываться и просматриваться толпа. Они перемешиваются между собой, преображаются. Они приобретают некую общую сущность, которая подавляет их собственную; им внушается коллективная воля, которая заставляет умолкнуть их личную волю. Такое давление представляет собой реальную угрозу, и многие люди ощущают себя уничтоженными.

При встрече с таким материализованным, передвигающимся, кишащим общественным животным некоторые слегка отступают, прежде чем броситься туда с головой, другие испытывают настоящую фобию. Все эти реакции характеризуют влияние толпы, психологические отклики на нее, а через них и те, уже рассмотренные, эффекты, которые ей приписывают. Мопассан описал их с такой поразительной точностью, на которую способны немногие ученые: «Впрочем, – пишет он, – я еще и по другой причине испытываю отвращение к толпам. Я не могу ни войти в театр, ни присутствовать на каком-то публичном празднестве. Я тотчас начинаю ощущать какую-то странную нестерпимую дурноту, ужасную нервозность, как если бы я изо всех сил боролся с каким-то непреодолимым и загадочным воздействием. И я на самом деле борюсь с этой душой толпы, которая пытается проникнуть в меня. Сколько раз я говорил, что разум облагораживается и возвышается, когда мы существуем в одиночку, и что он угнетается и принижается, когда мы перемешиваемся с другими людьми. Эти связи, эти общеизвестные идеи, все, о чем говорят, что мы вынуждены слушать, слышать и отвечать, действует на способность мыслить. Приливы и отливы идей движутся из головы в голову, из дома в дом, с улицы на улицу, из города в город, от народы к народу, и устанавливается какой-то уровень, средняя величина ума для целой многочисленной массы людей. Качества разумной инициативы, свободной воли, благонравного размышления и даже понимания любого отдельного человека полностью исчезают с того момента, как индивидуум смешивается с массой людей».

Несомненно, что мы здесь имеем дело с рядом предвзятых идей Мопассана, с его предубеждением против толпы и его переоценкой индивида, не всегда обоснованной. Следовало бы даже сказать, рядом предвзятых идей его времени и его класса. Но описание связи между человеком и сообществом (или между художником и массой), которая устанавливается в трех его фразах: инстинктивный страх, тревожное ощущение непреодолимой утраты, наконец, гигантская круговерть загадочных, почти осязаемых, если не видимых воздействий, – все это кричащая правда.

А тенденция к обезличиванию умов, параличу инициативы, порабощению коллективной дутой индивидуальной души – все это следствия погружения в толпу. Это не единственные, но наиболее частые ощущения. Ужас, переживаемый Мопассаном, помогает ему определить две причины испытываемой дурноты: он полагает, что утрачивает способность владеть рассудком, собственные реакции кажутся ему чрезмерными и в эмоциональном плане доведенными до

крайности. И он, таким образом, приходит к постановке тех же самых вопросов, которыми задаются ученые, размышляющие над описанным явлением.

«Одно народное изречение гласит, – пишет он, – что толпа «не рассуждает». Однако почему же толпа не рассуждает, в то время как каждый индивид из этой толпы, взятый в отдельности, рассуждает? Почему эта толпа стихийно совершит то, чего не совершит ни одна из ее единиц? Почему эта толпа обладает непреодолимыми импульсами, хищными желаниями, тупыми увлечениями, которых ничто не остановит и, охваченная одной и той же мыслью, мгновенно становящейся общей, невзирая на сословия, мнения, убеждения, различные нравы, набросится на человека, искалечит его, утопит беспричинно, почти что беспричинно, тогда как каждый, если бы он был один, рискуя жизнью, бросился бы спасать того, кого сейчас убивает».

* * *

Эти строки, такие верные по тону и точные по мысли, не нуждаются в комментариях. Невозможно лучше сказать то, что так мастерски выразил писатель. Однако Мопассан в одном пункте ошибается. Не одно только народное изречение отрицает разумность человеческих групп и сообществ. В подтверждение существования этих двух моделей, ему вторят философы, выражая расхожее мнение.

«Справедливые и глубокие идеи индивидуальны, – пишет Зиновьев. – Идеи ложные и поверхностные являются массовыми. В массе своей народ ищет ослепления и сенсации».

Симона Вейль, французский философ, широко известная своим нравственным пафосом, поддерживает это мнение: «В том, что касается способности мыслить, связь обратная; индивид превосходит сообщество настолько, насколько нечто превосходит ничто, так как способность мыслить появляется только в одном, предоставленном самому себе разуме, а общности не мыслят вовсе».

Эти тексты ясно демонстрируют, что вокруг основной идеи установилось полное согласие: группы и массы живут под влиянием сильных эмоций, чрезвычайных аффективных порывов. И тем более, что им изменяют разумные средства владения аффектами. Одиночный индивид, присутствующий в толпе, видит свою личность глубоко в этом смысле измененной. Он становится другим, не всегда, впрочем, это осознавая. Именно «мы» говорит через его «Я».

Я так подробно остановился на этом, для того, чтобы сделать акценты на этих идеях. Дело в том, что, под предлогом их общеизвестности, зачастую проявляется тенденция скользить по поверхности. Доходит даже до их умалчивания, в то время как они являются основой целого ряда общественных отношений и актов.

* * *

Вот ведь какая проблема встает. Вначале есть только люди. Как же из этих социальных атомов получается коллективная совокупность? Каким образом каждый из них не только принимает, но выражает как свое собственное мнение, которое пришло к нему извне? Ведь именно человек впитывает в себя, сам того не желая, движения и чувства, которые ему подсказываются. Он открыто учиняет разнузданные расправы, причин и целей которых даже не ведает, оставаясь в полной уверенности, что он знает о них. Он даже склонен видеть несуществующее и верит любой молве, слетающей с уст и достигающей его слуха, не удостоверившись как следует. Множество людей погрязают таким образом в социальном конформизме. За разумную истину они принимают то, что в действительности является общим консенсусом.

Феноменом, ответственным за столь необычное превращение, становится внушение или влияние. Речь идет о своего рода воздействии на сознание: какое-то приказание или сообщение с убеждающей силой заставляют принять некую идею, эмоцию, действие, которые логически

человек не имел ни малейшего разумного основания принимать. У людей появляется иллюзия, что они принимают решение сами, и они не отдают себе отчета в том, что стали объектом воздействия или внушения. Фрейд четко обозначил специфику этого феномена: «Я хотел бы высказать мнение относительно различия между внушением и другими типами психического воздействия, такими, как отданный приказ, информирование или инструкция; так вот, в случае внушения в голове другого человека вызывается какая-то идея, не проверенная с самого начала, а принятая в точности так, как если бы она стихийно сформировалась в его голове».

Соответственно, здесь еще и загадка производимого перевертыша: каждый считает себя причиной того, чему он является лишь следствием, голосом там, где он только эхо; у каждого иллюзия, что он один обладает тем, что, по правде говоря, он делит с другими. А в конечном счете каждый раздваивается и преображается. В присутствии других он становится совсем иным, чем когда он один. У него не одно и то же поведение на людях и в частной жизни.

Я хотел бы заключить этот обзор одной аналогией: внушение или влияние – это в коллективном плане то, что в индивидуальном плане является неврозом. Оба предполагают: уход от логического мышления, даже его избегание, и предпочтение алогичного мышления; раскол рационального и иррационального в человеке, его внутренней и внешней жизни.

И в том и в другом случае наблюдается утрата связи с реальностью и потеря веры в себя. Соответственно, человек с готовностью подчиняется авторитету группы или вожака (который может быть терапевтом) и становится податливым к приказаниям внушающего. Он находится в состоянии войны с самим собой, войны, которая сталкивает его индивидуальное «Я» с его «Я» социальным. То, что он совершает под влиянием сообщества, находится в полном противоречии с тем, каким он умеет быть рассудительным и нравственным, когда он наедине с самим собой и подчиняется своим собственным требованиям истины.

Я продолжаю аналогию. Так же, как это влияние может охватить и поглотить человека, вплоть до его растворения в такой недифференцированной массе, где он представляет собой не более чем набор имитаций, так и невроз подтачивает сознательный слой личности до такой степени, что его слова и действия становятся не более чем живым повторением травмирующих воспоминаний его детства.

Но совершенно очевидно, что их последствия противоположны. Первое делает индивида способным существовать в группе и надолго лишает способности жить одному. Второй мешает ему сосуществовать с другим, отталкивает его от массы и замыкает в себе самом. В итоге воздействие представляет социальное, а невроз – асоциальное начала. Этим не исчерпывается перечисление противоречий, возникающих между двумя антагонистическими тенденциями, состоящими одна в смешении с группой, другая – в защите от нее. Доведенные до крайности в современном обществе, они обострились. Единственное, с чем нам, безусловно, нужно считаться, – с тем, что так называемые коллективные «безумия» имеют иную природу, нежели так называемые индивидуальные «безумия», и нельзя необдуманно выводить одни из других. После всего сказанного очевидно, что первые возникают вследствие избытка социабельности, когда индивиды врастают в социальное тело. Вторые же являются результатом неспособности существовать вместе с другими и находить в совместной жизни необходимые компромиссы.

Апогей масс

Разумеется, толпы существовали всегда, невидимые и неслышимые. Но в своеобразном ускоренном движении истории они разорвали путы. Они восстали, став видимыми и слышимыми – и даже несущими угрозу существованию индивидов и классов из-за тенденции все перемешивать и все обезличивать. Маскарадные костюмы сняты, мы их замечаем в самом простом одеянии.

«Со времен Французской революции, – пишет Канетти, – эти взрывы приобрели форму, которую мы считаем современной. Быть может, именно потому, что масса была так скоропалительно освобождена от религиозных традиций, нам сейчас гораздо проще увидеть ее освобожденной от тех смыслов и целей, которые ей некогда приписывались».

Оглянитесь вокруг: на улицах или на заводах, на парламентских собраниях или в казармах, даже в местах отдыха вы увидите толпы, движущиеся или неподвижные. Некоторые люди проходят сквозь них, как через чистилище. Другие ими поглощаются, чтобы уже никогда не выйти обратно. Ничто не выразило бы сути нового общества лучше, чем определение «массовое». Оно узнаваемо по его многочисленности, по нестабильности связей между родителями и детьми, друзьями и соседями. О нем можно догадаться по тем превращениям, которые испытывает каждый человек, становясь анонимным: реализация присущих ему желаний, страстей, интересов зависит от огромного числа людей. Можно видеть его подверженность приступам общественной тревожности и тенденции уподобляться, соответствовать какой-то коллективной модели.

Мы имеем дело с массификацией, то есть со смешением и стиранием социальных групп. Пролетарии или капиталисты, люди образованные или невежественные, происхождение мало что значит: одни и те же причины производят одни и те же следствия. Из разных, совершенно разнородных элементов образуется однородное человеческое тело: масса состоит из людей-массы. Это они действующие лица истории и герои нашего времени. Причина в средствах коммуникации, массовой информации, газетах, радио, т. п. и феномене влияния. Внедряясь в каждый дом, присутствуя на каждом рабочем месте, проникая в места отдыха, управляя мнениями и обезличивая их, эти средства превращают человеческие умы в массовый разум. Благодаря своего рода социальной телепатии у многих людей вызываются одни и те же мысли, одни и те же образы, которые, как радиоволны, распространяются повсюду. Так что в массе они всегда оказываются наготове. Когда это на самом деле происходит, то можно наблюдать волнующее незабываемое зрелище, как множество анонимных индивидов, никогда друг друга не видевших, не соприкасавшихся между собой, охватываются одной и той же эмоцией, реагируют как один на музыку или лозунг, стихийно слитые в единое коллективное существо.

Марсель Мосс[5] подробно описал это превращение: «Все социальное тело одушевлено одним движением. Индивидуумов больше нет. Они становятся, так сказать, деталями одной машины, или, еще лучше, спицами одного колеса, магическое кружение которого, танцующее и поющее, было бы образом совершенным, социально примитивным, воспроизводимым, разумеется, еще и в наши дни в упомянутых случаях, да и в других тоже. Это ритмичное, однообразное и безостановочное движение непосредственно выражает то душевное состояние, когда сознание каждого захвачено одним чувством, одной немыслимой идеей, идеей общей цели. Все тела приходят в одинаковое движение, на всех лицах одна и та же маска, все голоса сливаются в одном крике; не говоря уже о глубине впечатления, производимого ритмом, музыкой и пением. Видеть во всех фигурах отражение своего желания, слышать из всех уст подтверждены своей убежденности, чувствовать себя захваченным без сопротивления всеобщей уверенностью. Смешавшиеся в исступлении своего танца, в лихорадке возбуждения, они составляют единенное тело и единую душу. Именно в это время социальное тело действительно существует. Так как в этот момент его клетки-люди, быть может, так же мало отделены друг от друга, как клетки индивидуального организма. В похожих условиях (которые не реализуются в наших обществах даже самыми перевозбужденными толпами, но об этом говорится в другом месте) согласие может творить действительность».

Поразительно, не так ли?

---

[5] *Мосс* Марсель (1872–1950) – видный французский этнограф и социолог, племянник и ученик Эмиля Дюркгейма. – *Примеч. ред.*

* * *

С того момента, как массы признаны эмблемой нашей цивилизации, они перестают быть продуктом разложения старого режима. Это уже не превращенная форма общественных классов или эффектные артефакты общественной жизни, не повод к приподнятым, красочным описаниям, сделанным зачарованными или потрясенными свидетелями. Они становятся неотъемлемой принадлежностью общества. Они дают ключ как к политике, так и к современной культуре и, наконец, объясняют тревожные симптомы, терзающие нашу цивилизацию.

Жестко и смело, с риском шокировать, психология толп отрицает любое их притязание, и какую бы то ни было способность изменить мир или управлять государством. Им по их природе не свойственно рассуждать, им недостает способности держать себя в узде для того, чтобы выполнять работу, необходимую для выживания и культурного развития, до такой степени это рабы сиюминутных импульсов и существа, подверженные внушению со стороны первого встречного. Наше общество видело упадок личности и присутствует при апогее масс. Над ним, по сути дела, властвуют иррациональные и бессознательные силы, исходящие из его тайных глубин и вдруг обнаруживающие себя явно. Ле Бон[6] выражает это очень четко: «Неосознанное поведение толпы, подменяющее сознательную деятельность личности, представляет собой одну из характеристик нынешнего века».

Люди, составляющие толпу, ведомы беспредельным воображением, возбуждены сильными эмоциями, не имеющими отношения к ясной цели. Они обладают удивительной предрасположенностью верить тому, что им говорят. Единственный язык, который они понимают, – это язык, минующий разум и обращенный к чувству.

В цивилизованном обществе массы возрождают иррациональность, вместо того, чтобы уменьшаться в процессе развития цивилизации, ее роль возрастает и укрепляется. Вытесненная из экономики наукой и техникой, иррациональность сосредоточивается на власти и становится ее стержнем. Это явление нарастает: чем меньше времени люди посвящают заботам об общественном благе, тем меньше у них возможностей противостоять коллективному прессингу. Разум каждого отступает перед страстями всех. Он оказывается бессильным господствовать над ними, поскольку эпидемию невозможно остановить по своей воле.

Я повторяю и настаиваю на этом. Классическая политика основана на разуме и интересах. Она обрекает себя на бессилие, поскольку подходит к массе извне, как к простой сумме индивидов. Это происходит не из-за недостатка изобретательности или волевого начала, не из-за неспособности составляющих массу людей из бедных слоев осознать свои интересы и действовать разумно. Напротив, все желали бы установления такого государства, такой демократии, о которой рассуждали теоретики и государственные деятели. Иначе не замысливали бы такого порядка, не стремились бы к его установлению. А если не удается добиться успеха и все приходит к своей противоположности, это потому, что толпа затягивает в себя, в свой коллективный водоворот. И тогда дело принимает другой оборот вопреки предусмотренному, вопреки психологическим законам. Человек-индивид и человек-масса – это две разные вещи, как достояние в один франк и в миллион. Эту разницу я подытожил бы одной фразой: индивида убеждают, массе внушают.

Ведь демократические идеалы, придуманные меньшинством и для меньшинства, какими бы абсолютными достоинствами они ни обладали, препятствуют, кроме исключительных слу-

---

[6] *Ле Бон* (Лебон) Гюстав (1841–1931) – французский психолог, врач, антрополог и археолог; одним из первых попытался теоретически обосновать наступление «эры масс» и связать с этим общий упадок культуры. Он полагал, что в силу волевой неразвитости и низкого интеллектуального уровня больших масс людей ими правят бессознательные инстинкты, особенно тогда, когда человек оказывается в толпе. Здесь происходит снижение уровня интеллекта, падает ответственность, самостоятельность, критичность, исчезает личность как таковая. – *Примеч. ред.*

чаев, формированию стабильного политического режима. Из-за необходимости соответствовать чаяниям большинства, звучать в унисон человеческой природе, эти идеалы рассыпаются в прах. Погоня за ними порождает лишь глубокое разочарование.

Когда иллюзии утрачиваются, слабеют, человеческие общности вместе со своими верованиями приходят в упадок, они мертвеют и опустошаются, утратив самое существенное, как тело, лишенное крови. Люди больше не знают, за кем следовать, кому подчиняться, во имя кого жертвовать собой. Ничто и никто их больше не обязывает к дисциплине, необходимой для цивилизованного труда, ничто и никто не питает их энтузиазма или страсти.

Мир восторгов, мир преданности оказывается опустевшим. И тогда обнаруживаются признаки паники. Страшит возвращение к мертвому безразличию камней пустыни или, в современном варианте, государства. Никто никому там больше не друг и не враг. Практически исчезли границы группы или города. Место народа занимает аморфная совокупность индивидов.

Гипноз в массе

Как только открывается новый класс феноменов, их нужно объяснять. Какова причина изменений, которым подвергается индивид, когда он попадает в толпу? Состояние человека, находящегося в массе, всегда сравнивали с сумеречным состоянием. Его сознание, утратившее активность, позволяет ему предаться мистическому экстазу, видениям или же в состоянии помрачения поддаться панике или наваждению.

Толпы кажутся влекомыми призрачным потоком, эта истина хорошо известна и настолько глубока, что философы и политические деятели всех времен и народов к ней без конца возвращались. Можно было бы сказать, что эти сумеречные состояния между бодрствованием и сном и есть истинная причина страха, который вызывается толпами, а также очаровывающего воздействия, производимого ими на наблюдателей, пораженных тем, с какой силой могут воздействовать на реальный ход вещей люди, казалось бы утратившие контакт с действительностью. А вот другой факт, не менее поразительный: это состояние является условием, позволяющим индивиду слиться с массой. Чувство тотального одиночества заставляет его стремиться к тому неосознанному существованию, которое даст ему чувство слитности с массой.

Психологи никак не расценили эти фундаментальные и характерные черты толп. Ле Бон же, размышляя о них, пришел к открытию, влияние которого на науку и политику оказывается весьма значительным. Он полагает, что психологические превращения индивида, включенного в группу, во всех отношениях подобны тем, которым он подвергается в гипнозе. Коллективные состояния аналогичны гипнотическим состояниям. Это сопоставление уже звучало в других работах, и прежде всего у Фрейда.

«Загипнотизированная толпа» могла появиться как своего рода модель, уменьшенная в замкнутом пространстве, по отношению к толпе настоящей и действующей под открытым небом. Явления, наблюдаемые в микрокосме больницы, как в лаборатории, воспроизводят происходящее в макрокосме общества. Однако стоит немного остановиться на этих явлениях и посмотреть, как они порождаются. Мы тем самым сразу поймем и природу зрелищного, благодаря которой внушения потрясают воображение, и объяснения им.

Природа гипноза, то, каким образом внушение воздействует на нервную систему, остается нам малопонятным. Мы знаем, что некоторых людей очень легко усыпить. В этом состоянии определенная часть их сознания подчиняет тело внушениям, исходящим от оператора, обычно врача. Он произносит свои команды очень решительным тоном. Для того, чтобы пациент не почувствовал ни малейшего намека на колебания, что имело бы нежелательный эффект, оператор категорически не должен сам себе противоречить. Оператор энергично отрицает

недомогания, на которые жалуется пациент. Он уверяет его, что можно кое-что сделать, и дает ему команду это совершить.

Любой гипнотический сеанс содержит, таким образом, два аспекта: один – эмоционального свойства, другой – физического воздействия. Первый строится на абсолютном доверии, подчинении гипнотизируемого гипнотизеру. Манипуляция же выражается в строгой направленности взгляда, в восприятии очень ограниченного числа стимулов. Это сенсорная изоляция, которая ограничивает контакт с внешним миром и как следствие способствует погружению субъекта в гипнотическое состояние сна наяву. Пациент, эмоционально зависимый от гипнотизера и видящий свое пространство ощущений и идей как ограниченное им, оказывается погруженным в транс. Он полностью повинуется командам, которые ему дают, выполняет требуемые от него действия, произносит слова, которые приказывают произносить, нисколько не осознавая, что он делает или говорит. В руках гипнотизера он становится чем-то вроде автомата, который взмахивает рукой, марширует, кричит безотчетно, не зная, зачем.

Вызывают удивление случаи, когда гипнотизеры, как они сами утверждают, заставляли человека испытывать ощущение замерзания или жжения. В другом случае человека принуждали выпить чашку уксуса, внушая пациенту, что это бокал шампанского. Еще один принимает метлу за привлекательную женщину и так далее. В ходе публичных демонстраций пациенту внушают, что он превратился в младенца, в молодую женщину, одевающуюся к балу, в дискутирующего оратора и заставляют его действовать соответствующим образом.

* * *

Разнообразие галлюцинаций, затрагивающих все ощущения, и каких угодно иллюзий, действительно огромно и не может не впечатлять. В том, что касается толпы, две из них имеют особую значимость. Первая состоит в полном сосредоточении гипнотизируемого на гипнотизере, его замыкании в рамках группы при абсолютной изоляции от других людей. Введенный в транс, субъект становится слеп и глух ко всему кроме оператора или возможных участников, которых тот ему называет по имени. Другие же могут сколько угодно эмоционально привлекать его внимание – он их не замечает. И напротив, он подчиняется малейшему знаку гипнотизера. Как только тот прикасается к кому-то или просто указывает на него едва заметным жестом, загипнотизированный ему тотчас отвечает. Здесь можно увидеть вероятную аналогию с непосредственной связью, которая устанавливается между вождем и каждым из членов толпы, – производимое влияние совершенно сопоставимо.

Вторая иллюзия задается в процессе акта внушения приказом, а реализовывать ее субъект начинает позднее, после выхода из транса, в состоянии бодрствования. Гипнотизер покидает его, загипнотизированный ничего не помнит о полученном приказании, но, тем не менее, не может воспротивиться его исполнению. Он в этом случае забывает все обстоятельства внушения, полученного в недавнем сеансе. Он считает себя самого источником этого действия и часто, исполняя его, придумывает оправдания, чтобы как-то объяснить происходящее свидетелям. То есть он действует согласно своему естественному чувству свободы и непосредственности, как если бы он вовсе и не подчинялся указаниям, внедренным в его сознание.

Такие отсроченные эффекты явно напоминают разные формы воздействия, наблюдаемые в обществе. Разве мы не встречаем на каждом шагу людей, безотчетно и не желая того воспроизводящих много времени спустя жесты или слова, которые они видели или слышали, считающих своими идеи, которые кто-то, не спрашивая их, самым категоричным образом вдолбил им в голову. Эти эффекты, кроме всего прочего, доказывают, какое огромное множество мыслей и действий, кажущихся намеренными, осознанными и обусловленными внутренним убеждением, в действительности представляют собой автоматическое исполнение внешнего приказания.

Излишне было бы обсуждать дальше результаты, полученные гипнотизерами. Нам лишь остается кратко рассмотреть психические изменения, обнаруженные благодаря гипнотическому состоянию, и их возможную причину, согласно этим авторам. Предполагается, что это идея, внедренная, взращенная и усиленная в сознании субъекта: идея, что он Наполеон, что он здоров, что ему должно быть холодно и т. п.

Идея прокладывает дорогу к человеку, более или менее глубоко усыпленному. Она навязывает ему новую манеру видения самого себя и предметов, скорое и прямое суждение, сопровождаемое внутренним убеждением. Возникает вопрос: кто совершает это чудо, придает идее необходимую силу, чтобы его сотворить? Обычные идеи не достигают этого. А гипнотическая идея черпает свою силу в образах, которые она с собой приносит, о которых напоминает, то есть в своем конкретном, а не абстрактном содержании. Благодаря серии превращений она приводит в действие совокупность образов нашего сознания. Эти образы, в свою очередь, вызывают и запускают весь ряд элементарных ощущений. Таким образом будет совершаться упорядоченное превращение обобщенного понятия в непосредственное восприятие, переход от концептуального мышления к мышлению образному.

Эта гипотеза подкрепляется тем фактом, что загипнотизированные разговаривают сами с собой, находятся во власти зрительных иллюзий, как в сновидении, и испытывают яркие ощущения в связи с внушенными идеями. Кроме того, и это многое объяснило бы, память усыпленного человека чрезвычайно богата и обширна, много богаче и обширней, чем память того же человека в состоянии бодрствования. К огромному удивлению всех и к своему в первую очередь, человек в состоянии транса вспоминает места, фразы, песни, которые он в обычном состоянии не помнит. Гипноз высвобождает воспоминания, активизирует память до такой степени, что «порой заставляет думать о загадочной просветленности испытуемых». Однако погружение в сон, тягостный или легкий, никогда не отменяет сознательной жизни. Просто она уступает место другому состоянию и расщепляет его. На заднем плане продолжают существовать мысли и они сохраняют возможность истолковывать внушения, хотя и не смогли бы остановить их действия и воспрепятствовать их ментальным или физическим последствиям.

Вот как резюмирует Бине[7] эволюцию, которая развертывается в мозге загипнотизированного: «В каждом образе, представленном в мозгу, в зачаточном состоянии имеется галлюцинаторный элемент, который лишь ждет своего развития. Именно этот элемент развивается в процессе гипноза, когда достаточно бывает назвать испытуемому какой-нибудь предмет, просто сказать ему «вот птица» для того, чтобы внушаемый словом экспериментатора образ тотчас стал галлюцинацией. Итак, между идеей предмета и галлюцинаторным образом этого предмета разница только в степени».

В этой декларации много свежести мысли и слишком много ясности для этого достаточно непонятного явления, по поводу которого у нас все меньше и меньше уверенности. Однако я должен был его представить, ведь мы только что видели, как много гипноз может подсказать любой психологии толп. Он придает ей авторитет науки, как экспериментальной, так и клинической, не высказывая ничего, что не было бы надлежащим образом подтверждено. И особенно то, что в рассудке толпы, как и в рассудке загипнотизированного, «любая идея становится действием, любой вызванный образ становится для них реальностью, они уже не отличают реального мира от мира внушенного и воображаемого».

---

[7] *Бине* Альфред (1857–1911) – французский психолог. Занимался проблемами социальной и педагогической психологии. – *Примеч. ред.*

* * *

В связи с этим кажется полезным отметить три элемента, которые останутся почти неизменными в психологии толп: прежде всего, сила идеи, от которой все и зависит, затем немедленный переход от образа к действию и, наконец, смешение ощущаемой реальности и реальности внушенной. Что же из всего этого следует? В гипнозе врачи выходят за пределы индивидуального сознания, переступают границы ясного рассудка и чувств, чтобы достичь пространства бессознательной психики. Там, как излучение, исходящее из какого-то источника, воздействие подспудной памяти ощущается очень живо. Это как если бы, однажды погрузившись в сон, человек, вырванный из своего привычного мира другим миром, пробудился бы в нем.

Однако аналогия между группой загипнотизированных и группой бодрствующих людей не кажется достаточной для того, чтобы переносить явление с одной на другую. Это условие способствующее, но, тем не менее, не решающее. Поскольку у вас немедленно возникнут сомнения: гипнотизер может воздействовать взглядом, а не словами. Кроме того, гипноз, по-видимому, возникает вследствие особого патологического состояния – внушаемости больных истерией, что относится к компетенции психиатров, – и в норме невозможно. Если гипноз представляет собой так называемое «искусственное безумие», «искусственную истерию», ошибочно было бы пытаться обнаружить его у толп, особенно после того, как мы установили, что они не являются ни «истерическими», ни «безумными».

Как же можно переходить из одной сферы в другую, если одна находится в ведении медицины, а другая – политики? Тем более что в толпах «ненормальные» субъекты составляют явное меньшинство, а группы, в которые мы включаемся в большинстве своем, состоят из людей нормальных.

Льебо[8] и Бернгейм[9] справедливо отвели этот род сомнений. На основе своей клинической практики они утверждают, что гипноз вызывается посредством словесного внушения какой-то идеи, то есть чисто психологическим путем и что его успешность не зависит ни от чего другого. Но каждый ли человек восприимчив к внушению? Или же необходимо, чтобы субъект имел болезненную предрасположенность к этому? Иначе говоря, для того, чтобы быть внушаемым, должен ли человек быть невропатом или истериком? Ответ на этот вопрос категорически отрицательный. Все явления, наблюдаемые при гипнотическом состоянии, являются результатом психической предрасположенности к внушению, которая в некоторой степени есть у всех нас. Внушаемость присутствует и в состоянии бодрствования, но мы не отдаем себе в ней отчета, поскольку она нейтрализуется критикой и рассудком. В состоянии вызванного сна она легко проявляется: «Воображение царит властно, впечатления, поступающие в сенсорную систему, бесконтрольно принимаются и трансформируются мозгом в действия, ощущения, движения, образы».

* * *

Вот что снимает последние преграды и позволяет перейти от одной сферы к другой, от индивидуального гипноза к гипнозу в массе. Человек тогда кажется психическим автоматом,

---

[8] *Льебо* Огюст (1823–1904) – французский врач, широко использовавший гипноз в лечении своих пациентов. – *Примеч. ред.*

[9] *Бернгейм* Ипполит (1837–1919) – французский врач. В 1882 г. присутствовал при гипнотических экспериментах О. Льебо и начал сотрудничать с ним в изучении и применении гипноза и внушения в терапевтических целях. Первый использовал в клинических условиях терапию сном. – *Примеч. ред.*

действующим под влиянием внешнего импульса. Он легко исполняет все, что ему приказано делать, воспроизводит хабитус, запечатленный в его памяти, сам того не осознавая. Внушение описывает и вполне объясняет, чем человек в группе отличается от человека, когда он один, – точно тем же, чем человек в состоянии гипнотического сна отличается от человека в состоянии бодрствования. Наблюдая действия толпы, мы наблюдаем людей, находящихся в состоянии своего рода опьянения. Как любая другая интоксикация, словесная или химическая, она выражается в переходе из состояния ясного сознания в состояние грез. Это сумеречное состояние, когда многие реакции тела и рассудка оказываются преображенными.

По мнению Ле Бона, это научный факт, что человек, погруженный в такое состояние, «подчиняется любым внушениям оператора, который заставил его утратить ее (свою сознательную личность) и совершать действия, идущие вразрез с его характером и привычками. Но вот внимательные наблюдения, похоже, обнаруживают, что человек, на какое-то время погруженный в недра активной толпы, вскоре впадает – вследствие исходящих от нее веяний или по совсем другой, еще неизвестной причине – в особое состояние, очень сходное с гипнотическим состоянием во власти своего гипнотизера».

Итак, под действием этого магнетизма люди утрачивают сознание и волю. Они становятся сомнамбулами или автоматами – сегодня мы бы сказали роботами! Они подчиняются внушающим воздействиям вождя, который предписывает им, о чем думать, с чем считаться и как в связи с этим действовать. Благодаря заражению они разве что механически копируют друг друга.

Из этого получается что-то вроде социального автомата, неспособного творить или рассуждать, но могущего предаваться любым неблаговидным занятиям, которым человек воспротивился бы наяву. Толпы и видятся нам столь угрожающими, так как кажется, что они живут в другом мире. Они как будто пребывают в плену видений, которые их терзают.

Результатом этого подхода является замена фигуры оратора фигурой гипнотизера, замещение красноречия внушением, а искусства парламентских дебатов – пропагандой. Вместо того чтобы убеждать массы, их возбуждают театром, их держат в узде с помощью организации и завоевывают средствами прессы или радио. По правде говоря, пропаганда, подводящая итог этому изменению порядка вещей, перестает быть средством коммуникации, усиленным приемом риторики. Она становится технологией, позволяющей нечто внушать людям и гипнотизировать их в массовом масштабе. Иначе говоря, средством серийно производить массы, так же как промышленность серийно производит автомобили или пушки. Становится понятным, почему без нее нельзя обойтись, и почему она так чудовищно действенна.

* * *

Отметим особенно значительные идеи Ле Бона, в частности следующие:

1. Толпа в психологическом смысле является человеческой совокупностью, обладающей психической общностью, а не скоплением людей, собранных в одном месте.

2. Индивид действует, как и масса, но первый – сознательно, а вторая – неосознанно. Поскольку сознание индивидуально, а бессознательное – коллективно.

3. Толпы консервативны, несмотря на их революционный образ действий. Они всегда кончают восстановлением того, что они низвергали, так как для них, как и для всех, находящихся в состоянии гипноза, прошлое гораздо более значимо, чем настоящее.

4. Массы, каковы бы ни были их культура, доктрина или социальное положение, нуждаются в поддержке вождя. Он не убеждает их с помощью доводов рассудка, не добивается подчинения силой. Он пленяет их как гипнотизер своим авторитетом.

5. Пропаганда (или коммуникация) имеет иррациональную основу, коллективные убеждения и инструмент – внушение на небольшом расстоянии или на отдалении. Большая часть

наших действий является следствием убеждений. Критический ум, отсутствие убежденности и страсти являются двумя препятствиями к действию. Внушение может их преодолеть, именно поэтому пропаганда, адресованная массам должна использовать язык аллегорий – энергичный и образный, с простыми и повелительными формулировками.

6. Политика, целью которой является управление массами (партией, классом, нацией), по необходимости является политикой, не чуждой фантазии. Она должна опираться на какую-то высшую идею (революции, родины), даже своего рода идею-фикс, которую внедряют и взращивают в сознании каждого человека-массы, пока не внушат ее. Впоследствии она превращается в коллективные образы и действия.

Эти важнейшие идеи выражают определенное представление о человеческой природе, скрытое, пока мы в одиночестве, и заявляющее о себе, когда мы собираемся вместе.

Торжество бессознательного в толпе

Толпы пребывают, надо полагать, в состоянии, близком к гипнотическому, под воздействием того странного дурмана, который в каждом вызывает смутное желание влиться в общую массу. Он освобождает человека от груза одиночества. Он его переносит в мир коллективного упоения и торжествующих инстинктов, где он испытывает эйфорическое чувство всемогущества. «Эта несказанная оргия, эта святая проституция души», – говорил Бодлер о тех, кто попадает в такую «массовую баню».

Итак, что же происходит, когда каждый приглушает то индивидуальное, что у него есть, для того, чтобы до крайней степени взбудоражить коллективную часть своего «Я»? Для того чтобы это объяснить, нужно понять, как, согласно психологии толп, функционирует психический аппарат. Он делится на две части: сознательную и бессознательную. Сознательная часть имеется у каждого человека, она формируется в течение жизни и по-разному представлена у различных людей. Одни люди отличаются более богатой жизнью сознания, другие менее. Напротив, бессознательная часть является врожденной, она общая для всех и равномерно представлена в обществе. Первая очень тонкая и временная, она представляет собой лишь частичку второй, которая массивна и долговременно. Если бессознательная жизнь имеет на нас такое колоссальное влияние, если она без нашего ведома господствует над нами, это потому, что такой, отягощенной грузом инстинктов, желаний, верований, мы унаследовали ее от наших прародителей.

Посмотрим и теперь, что происходит в группе, где люди находятся в состоянии взаимного внушающего воздействия. Они стремятся подчеркивать то, что их сближает, то, что было у них общего до того, как они встретились. Каждый из них сводит к минимуму свое личностное начало, которое могло бы привести к риску противостояния. Таким образом, в ходе контактов и взаимодействий, они все больше и больше стирают, сглаживают ту сознательную часть, которая их разделяет и делает непохожими друг на друга. А часть, в которой они сходятся, поскольку она обща для них, завоевывает территорию. Точно так же люди, которые долгое время живут вместе, опираются на то, что их сближает, и отсеивают то, что их разделяет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.